

Почему у Витте не получилось, а Сталин имел успех. К вопросу о влиянии объективных факторов на модернизационные реформы в России

Попов Григорий Германович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Сафаралиева Диляра Гаджиметовна

Московский дом национальностей, Россия, e-mail: dilyarags@mdn.ru

Цитирование: Попов Г.Г., Сафаралиева Д.Г. (2024). Почему у Витте не получилось, а Сталин имел успех. К вопросу о влиянии объективных факторов на модернизационные реформы в России. *Terra Economicus* 22(3), 58–74. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-58-74

Статья посвящена сложной теме развития экономики России в первой трети XX в. Авторы считают, что суть реформ С.Ю. Витте и большевиков в период Первой пятилетки была схожей: ускорение перехода страны к индустриальному обществу посредством перемещения ресурсов из аграрного сектора в тяжелую промышленность при помощи активной государственной политики. Методы С.Ю. Витте и И.В. Сталина в сфере экономической политики различались. Нами сделан акцент на объективных факторах, которые сопутствовали реформам, нацеленным на модернизацию экономики России в первой трети XX в. Мы доказываем, что важным фактором успеха реформ Сталина стала сама Октябрьская революция, которая ограничила рынок труда как на селе, так в сфере легкой промышленности, преимущественно частной в период НЭПа. Авторы считают, что последствия реформ С.Ю. Витте были положительными. В отдаленной перспективе результаты этих реформ могли принести большие успехи в экономическом развитии, но вмешалась политика – Первая мировая война. Ключевой ошибкой реформ С.Ю. Витте, как и всей финансовой политики Российской империи начала XX в., авторы считают ограниченное прямое налогообложение на фоне того, что налоговая нагрузка на российскую экономику в то время была не выше, чем в развитых странах Запада.

Ключевые слова: реформы Витте; Первая пятилетка; модернизация России; экономическое развитие Российской империи; идеология и экономика

Why did Sergei Witte fail, but Stalin had a success? Towards the objective factors driving modernization reforms in Russia

Gregory Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Dilara Safaralieva

Moscow House of Nationalities, Russia, e-mail: dilyarags@mdn.ru

Citation: Popov G., Safaralieva D. (2024). Why did Sergei Witte fail, but Stalin had a success? Towards the objective factors driving modernization reforms in Russia. *Terra Economicus* 22(3), 58–74 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-58-74

The article tackles the issue of Russian economic development in the first third of the 20th century. We argue that reforms undertaken by Sergei Witte had much in common with the first five-year plan implemented by the Bolsheviks. These reforms were designed to foster Russia's transition towards an industrial society through a targeted state policy aimed at reorienting resources from agriculture to heavy industry. The difference between Witte and Stalin was the methods they used to implement economic policy. Unlike most researchers who attribute reform success or failure to ideological factors and politicians' personal qualities, we prioritize the impact of objective determinants that contributed to Russian economy modernization. Our claim is that Stalin's reforms success was largely due to the October Revolution, which resulted in restricting the labor force both in rural areas and in light industry, mostly privately owned during the period of new economic policy. We treat the consequences of Witte's reforms as socially benign and overall favorable for long term economic development, had it not been for the World War I. Limitations on direct taxation are found to be the key mistake of Sergey Witte, and equally, of the whole financial policy of the Russian Empire in the early 1900s.

Keywords: Witte's reforms; first five-year plan; modernization of Russia; economic development; Russian Empire; ideology and economics

JEL codes: N10, N13, N14

Введение

Сергей Юльевич Витте и Иосиф Виссарионович Сталин – два непохожих лидера и реформатора из близких друг к другу хронологически эпох. Оба имели задачу провести преобразования с целью догнать Запад. Именно реформы С.Ю. Витте и И.В. Сталина (мы имеем в виду здесь Первую пятилетку) стали переломными в долгосрочном социально-экономическом развитии страны. Надо сказать, что сейчас в России также имеет место переходный период, когда, как и при указанных выше реформаторах, создается максимально независимая от внешнего мира экономика и ускоренными темпами развивается инфраструктура.

С.Ю. Витте делал ставку в этом вопросе на предпринимательство, иностранные инвестиции и новые технологии, а Сталин – на плановую экономику и научно-технический прогресс. Несмотря на очевидные различия, у Сталина и Витте есть важная общая черта – они стремились

перераспределить ресурсы из крестьянской экономики в промышленность, только пути решения этой задачи у них были разными.

Нередко в основном из-за субъективных идеологических факторов те или иные успехи или неудачи в реформировании экономики и общества относятся на счет идеологии и личностных особенностей самих реформаторов. Упускаются из виду объективные факторы, повлиявшие на реформы. Эти факторы могли быть вызваны политическими эффектами, спровоцировавшими те или иные изменения в обществе.

Наша цель – сравнить реформы С.Ю. Витте и Первую пятилетку («Великий перелом») И.В. Сталина с учетом факторов, препятствовавших и способствовавших достижению поставленных в рамках этих преобразований задач. Одной из задач мы видим выявление резервов для ускоренного экономического роста при Витте и в период «Великого перелома». Именно на формировании резервов и их изыскании правительствами в рассматриваемые исторические отрезки времени мы делаем акцент в настоящем исследовании. Мы также поставили задачу показать особенности распределения национального дохода в российском обществе до Октябрьской революции 1917 г., поскольку слом старой системы хозяйствования большевиками дал последним дополнительные резервы для преобразований после Гражданской войны.

Сравнение довоенного СССР и Российской империи проводилось постоянно в советской статистике и научной литературе, если вспомнить хотя бы сопоставление с 1913 г. Однако делалось это через призму марксистско-ленинской теории, которая ставила на первое место политический строй в России как силу, предопределявшую экономическое развитие и не только. Данный методологический подход несильно изменился в постсоветский период. Например, Т.М. Братченко и А.С. Сенявский в своей работе, где проводится сравнение российской имперской и советской моделей экономического развития, пишут о хозяйственном порядке в дореволюционной России как о смещении «реликтовых» и передовых на то время форм хозяйствования (Братченко, Сенявский, 2009: 33). Данные характеристики подходят для любой страны второго эшелона. Далее эти авторы указывают на глубокие недостатки имперской модели развития, повторяя еще советские аксиомы: сохранение преобладания аграрного сектора в экономике, нарастание социальных противоречий в обществе и т.д. Но причину всего этого они видят в том числе в том, что была «неадекватность поведения власти в сложных исторических условиях на протяжении длительного времени, эгоизм ряда социальных сил, в том числе инфантильность российской элиты, особенно утопические настроения либерального течения общественной мысли и политики» (Там же: 34). Но как раз С.Ю. Витте, будучи все-таки больше либералом, нежели консерватором, боролся со всем этим.

Сравнением модернизационных реформ в России с позиций политологии и социологии занимается С.И. Дудник. Нельзя согласиться со следующими его научными положениями: «особенностью России было то обстоятельство, что, начиная с преобразований Петра I, именно правящая элита брала на себя обязательство преодолеть отставание. В России догоняющая модернизация приобретала форму “революции сверху”, тогда как модернизация в странах Запада, которая, казалось бы, должна была служить образцом для подражания, оказывалась в большинстве случаев инициативой со стороны гражданского общества, “третьего сословия”, а правящий класс был вынужден поддерживать эту инициативу, когда не мог ей сопротивляться. Свободный рынок, избирательная система, судопроизводство, предполагавшее равенство сторон, и многое другое выступало в качестве естественного следствия всего хода исторического развития, тогда как в России если эти элементы общества модерна и вводились, то обязательно в принудительном порядке, по инициативе сверху, в результате чего органика социального бытия, сохранявшая феодальную архаику, постепенно, как правило, эти новые элементы в себе растворяла» (Дудник, 2019: 396). На это можно возразить, что есть пример Германии, где в лице прусской и австрийской монархий модернизационные преобразования проводились именно сверху, по инициативе центральной власти. Сомнительно, что модернизация Франции в период между началом диктатуры Наполеона I и революционными событиями 1871 г. была инициирована именно третьим сословием, но, правда, оно имело в этой стране влияние большее, чем в России и Германии в то время.

Научное положение С.И. Дудника состоит в том, что, «разумеется, идея форсированной индустриализации предполагала мощную государственную поддержку крупному промышленному капиталу, особенно в XIX столетии (в эпоху преобразований Петра I и в годы сталинской модернизации эта поддержка была в основном административной, в виде безлимитного политического кредита)» (Дудник, 2019: 398). В 1930-е гг. правительство СССР через государственный бюджет и другие финансовые институты активно перераспределяло финансовые ресурсы в пользу промышленности. И что такое «безлимитный политический кредит» по отношению к неполитическим структурам – промышленным предприятиям и отвечавшим за них отраслевым ведомствам – непонятно. В XIX в. правительства при разных российских императорах, кроме Николая I, старались снизить степень вмешательства государства в промышленное развитие. При С.Ю. Витте мы видим больше институциональную поддержку через налоговую систему и финансовую реформу крупной промышленности.

В 2010 г. в свет вышла мало замеченная за пределами круга экономистов-институционалистов научная монография Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова про влияние предыдущих этапов развития общества на последующие в ракурсе сравнения России и Европы (Нуреев, Латов, 2010). Авторы повторяют старое философское положение о том, что Россия находится между Западом и Востоком, но важно развитие ими данного положения: Запад основан на институте частной собственности, Восток – на институте власти-собственности, а Россия находится между ними, сочетая то и другое. Соответственно, модернизационное развитие России идет в контексте выбора между преобладанием либо частной собственности в экономической системе, либо – власти-собственности. В этой связи Россия XVIII–XIX вв., по мнению Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, шла все-таки больше по западному пути развития. Это развитие оказалось незавершенным, так как Россия все же западным обществом не стала. Советскую эпоху эти ученые характеризуют как контрмодернизацию. С последним трудно согласиться, так как многие технологические и хозяйственные решения брались большевиками из западной практики (сама модель индустриального общества возникла на Западе).

Достаточно обширное сравнение имперской и сталинской модернизаций дал Б.Н. Миронов в своей относительно недавней обширной статье (Миронов, 2018). В отличие от большинства авторов, он не противопоставляет имперскую и советскую модернизации: «Имперская модернизация проходила по классическому европейскому сценарию. По целям, средствам и результатам советская модернизация явилась ее продолжением. Однако в одних аспектах (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей) советская модернизация напоминала, а в других – отличалась от классической западной модели (приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация, планирование)» (Миронов, 2018: 54). Миронов позитивно оценивает экономическое развитие России после 1861 г. (Там же: 57). Однако приводимые им критерии социально-экономического развития выступают как базовые, но далеко не исчерпывающие. Если мы говорим о периоде второй промышленной революции, когда на смену силы пара приходило электричество, то мы должны сказать, что Россия на рубеже XIX–XX вв. отставала от Запада в сфере как научно-технического прогресса, так и, естественно, в плане создания новых отраслей и подотраслей и их расширения. Миронов говорит о темпах развития энергетики России в конце XIX – начале XX в., но при этом не приводятся данные, насколько энергетика страны была модернизирована к 1917 г. в сравнении со странами Запада. В целом мы согласны, что успехи российской экономики между 1861 и 1913 г. оказались впечатляющими. Но вызывает сомнение научное положение автора об умеренной имущественной дифференциации в этот период среди россиян.

Революционные потрясения в России Б.Н. Миронов связывает с модернизацией (Миронов, 2018: 60). То есть, в понимании Б.Н. Миронова, перманентного кризиса царизма, вызванного отсталостью данной модели общественного устройства, не наблюдалось. Но проблемы России были обусловлены в основном недостатками в сфере бюджетной политики и доступностью крупного кредита для бизнеса (Миронов, 2018: 62).

Основная идея Миронова сводится к тому, что модернизация в России была прервана Первой мировой войной и затем возобновлена советской властью (Миронов, 2018: 63). Здесь мы можем

согласиться с ним только отчасти. Во-первых, Восточный фронт Первой мировой войны и Великая Отечественная война имели разные масштабы, включая величину людских и материальных потерь России/СССР. И действительно, кризис российское общество стало всерьез испытывать не ранее марта 1916 г. Во-вторых, многие проблемы системы образования так и не были решены к 1914 г., так как темпы их решений были слишком медленными (Астанина, Новикова, 2023).

Трудно согласиться и с научным положением Миронова о том, что колхозный строй воспроизвел крестьянскую общину (Миронов, 2018: 65). Смысл русской крестьянской общины был в Российской империи больше фискальный, нежели производственный, и характерная для русской крестьянской общины демократичность не видна в созданном Сталиным колхозном строе.

В целом стоит отметить, что в российской историографии реформы Сталина и Витте не сравнивались, тем более с точки зрения объективных условий их проведения. Акцент делался в основном на достигнутых результатах и имевших место трендах экономического развития России и СССР. Исследователями рассматриваются, как правило, институциональные условия развития России и СССР. Макроэкономике и ее связи с институтами в научной литературе уделено недостаточно внимания.

Экономика элитарного общества Российской империи vs. эгалитарное народное хозяйство большевиков

Чтобы разобраться в том, откуда большевики взяли резервы для Первой пятилетки, надо посмотреть, как распределялись ресурсы в экономике Российской империи. Последняя имела элитарную модель социального устройства, при которой в обществе национальный доход (НД) распределяется очень неравномерно, в пользу элитарного потребления.

Показатели системы национальных счетов носят финансовый характер, но для догоняющего развития большее значение имеют физический промышленный капитал и квалифицированный труд. Поэтому для лучшего изучения проблемы перехода от рыночной экономики к плановому хозяйству надо принимать во внимание и физические показатели. В этой связи накопление материальных активов и человеческого капитала перед реформами является важным объяснением тому, почему те или иные преобразования имели успех или неудачу. Об этом мы поговорим ниже.

Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов дали общее сравнение Российской империи периода правления Николая II и СССР межвоенного периода: «Советское государство было лишено доступа к иностранным кредитам, так как отказалось возвращать царские долги, поэтому набор инструментов для модернизации у большевиков оказался слишком ограниченным» (Нуреев, Латов, 2013: 16). Но у Российской империи не было монополии на банковские операции, как и свободы увеличения налогов более чем на 10% от национального дохода.

Как доказывает Пол Грегори, Российская империя относилась к числу государств с наиболее высокими расходами, которые составляли 8% от окончательных расходов (Грегори, 2003: 28). Действительно ли это так? На начало правления Николая II расходы бюджета России были на уровне примерно 1,6 млрд руб., имелся даже небольшой дефицит (Хромов, 1950: 494). Императорское правительство проводило политику стабильного рубля, что подразумевало стремление к бездефицитному бюджету, что достигалось с трудом. В 1892 г. бюджет РИ имел дефицит в 74,3 млн руб. (Мартынов, 2002: 121). Но в 1903 г. общий бюджет империи (включая чрезвычайные и обычные расходы) был сведен с профицитом в 381 млн руб. (Там же: 124).

В 1913 г. общий доход бюджета государства составил почти 2,2 млрд руб., из них около 570 млн руб. составили доходы от государственного имущества, 606,5 млн руб. дали так называемые государственные регалии, среди которых были поступления от питейных заведений в сумме 542,288 млн руб. (Мартынов, 2002: 125). При этом значительный рост поступлений в бюджет империи обеспечили реформы С.Ю. Витте. Среднегодовое увеличение бюджета с 1892 по 1903 г. составило 10,5% против 2,7% за 1883–1892 гг. и 5% между 1903 и 1912 г. (Болотов, 2012: 58). По расчетам Н. Кутлера, рост баланса бюджета был обеспечен почти на 50% за счет «питейной монополии» и государственных железных дорог (Болотов, 2012: 58).

Политику налогообложения С.Ю. Витте строил, следуя стратегии наращивания косвенных налогов (Хромов, 1950: 494–507), вопреки тому, что опыт буржуазных стран доказывал необходимость увеличения прямых налогов от богатства и сверхдоходов (Лутохин, 1915: 25). Правда,

объяснимо это было тем, что народные массы к 1890-м гг. уже не выдерживали роста нагрузки прямого налогообложения. Витте просил не обременять налогами богатые слои населения, так как прямые налоги в целом сложнее собирать, нежели косвенные (Болотов, 2012: 60). Витте также признавал и политико-идеологические корни налоговой системы Российской империи – сохранение разделения населения на податные и неподатные слои (Витте, 1912: 469), что означало «замораживание» в сфере налогообложения принципов феодального общества. На практике это вело к хронически низкой собираемости налогов в империи.

Как считал П.А. Хромов, в 1911 г. расходы Российской империи составили 5 млрд руб., на 3,5 млрд руб. они финансировались за счет налогообложения и доходов от государственной собственности (Хромов, 1950: 494–507), что дает 17,24% от НД России 1913 г. Но примерно половина доходов РИ шла от государственной собственности, поэтому незадолго до Первой мировой войны налоговая нагрузка на экономику составляла приблизительно 8,5% от НД. Это больше, чем федеральные налоговые поступления в США в первое десятилетие XX в. (в среднем 2,5% от ВВП в год), хотя до Великой депрессии стабильно около 6% государственных налогов и сборов США приходилось на штаты и местные власти¹. Так как национальный доход меньше ВВП (в начале XX в. разница между ними была незначительной), то налоговая нагрузка на российскую экономику при С.Ю. Витте и после него оказалась небольшой. Распределение нагрузки было неравномерным: две трети всех прямых налогов платили бедные слои населения, при этом все прямые налоги дали казне в 1901 г. 276,1 млн руб. против 652,1 млн руб. косвенных налогов в том же году (Болотов, 2012: 63) (по этому типу налогообложения платили в основном бедные слои общества). В 1900 г. НД Российской империи мог достичь максимум 7,85 млрд руб., с учетом роста ВВП на 3,3% в год (Калабеков, 2022: 6). НД должен был достичь примерно 8 млрд руб., т. е. налоги должны были составить около 11% от НД. Очевидно, со временем произошло уменьшение процента налогов и обязательных сборов от НД в Российской империи.

Таким образом, налоговая нагрузка на экономику в России оставалась в целом на том же уровне, что и в либеральных США. При этом в России в начале XX в. рост доходов населения заметно отставал от прироста налогов на фоне того, что общий годовой доход крестьянской семьи достигал 143 руб., а доходность стандартного крестьянского хозяйства – 70 руб. Крестьяне, которые составляли 82% населения страны, имели доходы в расчете на душу населения обоего пола ниже, нежели рабочие. Однако резервы у населения были, иначе налоговые поступления не возрастали бы.

Почему Россия за счет увеличения доходов бюджета не преодолела отставание к 1914 г.? Проблема в ВВП, подсчитать который сложно. Даже НД мы можем определять гипотетически. Известно, что в 1915 г. среднедушевой народный доход россиянина (то же самое, что и национальный доход) составлял 8 фунтов стерлингов (ф. ст.) в год (Шингарев, 1916: 324), отсюда национальный доход должен был составить 1 млрд 336 млн ф. ст. (мы исходим из численности населения страны в 167 млн чел.). Мы берем фунты стерлингов как валюту расчетов, поскольку в начале XX в. это была наиболее стабильная валюта, в которой исчислялись макроэкономические показатели при международном сопоставлении.

Развитие государства Запада имели меньшую, чем у России, численность населения, если не брать во внимание колонии европейских держав. В этой связи крупные государства на Западе, имея то же соотношение налогообложения к НД, что и Россия, не столь значительно отрывались от нашей страны. Основной противник Российской империи в Первой мировой войне – Германия, с населением около 70 млн чел. и среднедушевым народным доходом 31 ф. ст. (Шингарев, 1916: 324), в 1914 г. располагала совокупным народным доходом около 2,17 млрд ф. ст. При этом в рамках Пруссии (основная часть Германской империи) налоги в период 1905–1915 гг. составляли около 9% от НД (Sporeger, 2007). Очевидно, расходы в государствах Запада распределялись в то время более эффективно, если принимать во внимание достижения этих стран в развитии инфраструктуры, медицины и образования, а также вооруженных сил. Другой вопрос, связанный с распределением, – строительство железных дорог и прочих объектов в регионах к востоку от Урала. Особенно затратными в этом смысле оказались Восточная Сибирь и Дальний Восток.

¹ Shuyler, M. (2014). *A short history of government taxing and spending in the United States*. <https://taxfoundation.org/research/all/federal/short-history-government-taxing-and-spending-united-states/> (accessed on July 1, 2024)

Главное, доля земских налогов в общей собираемости налогов оставалась невысокой – около 20% в начале XX в. Для сравнения, в Пруссии доля муниципальных налогов возросла к 1913 г. почти до 42%, в то время как общегосударственные налоги составляли менее 40% (Sproerer, 2007). Это означало, что на обустройство городов и сел у немцев уходило больше бюджетных средств, включая улучшения в сферах образования и медицины. Касалось это и американцев с их традиционно высокими для периода до Второй мировой войны расходами штатов и местных властей.

С именем С.Ю. Витте часто связывают строительство Транссибирской магистрали. Общая фактическая стоимость этого проекта составила 1,5 млрд руб. (Жуков, 1963: 133). Большие деньги были потрачены российскими властями на строительство военных и гражданских объектов на Ляодунском полуострове (Айрапетов, 2013), во многом по инициативе С.Ю. Витте как одного из главных сторонников движения России на Восток. Но важнее были не финансовые расходы, а движение населения и производственных активов в слабо обжитые регионы, что создавало напряженное положение в центральных и западных промышленных губерниях (нехватка производственного капитала и экономически активного населения).

После отмены военного коммунизма большевики вернулись к традиционной системе взимания налогов. Налоги также были разделены на прямые и косвенные, поступления от них и от других платежей в отчетном 1928/1929 г. составили 7 736 523 402 руб., из них на прямые пришлось почти 1,7 млрд руб. Неналоговые сборы дали еще 3 млрд руб. При этом НД СССР вышел в 1928 г. на отметку 26,4 млрд руб. в текущих ценах. То есть налоговая нагрузка на советскую экономику составляла в конце НЭПа почти треть от НД, более чем в три раза превышая эту нагрузку в Российской империи. Очевидно, и процент объема собранных прямых налогов по отношению к НД в СССР в конце 1920-х гг. также заметно вырос, по сравнению с 1913 г. Отказ от «элитаризма» в распределении налоговой нагрузки в обществе в результате Октябрьской революции имел свой эффект, о чем подробнее – ниже.

Изменился и платежный баланс России. Только на чистые туристические расходы россиян в 1913 г. пришлось 292 млн руб. в текущих ценах (Грегори, 2003: 223) – это в три раза выше, чем на эксплуатацию и ремонт железных дорог в самом начале XX в. Вместе с эмигрантскими трансфертами физические лица вывезли из страны 406 млн руб. (Там же: 220). Поездки с разными целями за границу и покупка там дорогой недвижимости были частью жизни российской элиты, при этом важной.

В 1913 г. 150 млн руб. было переведено из России в виде дивидендов и прочих процентных платежей по ценным бумагам (без государственного долга) (Грегори, 2003: 220). По долговым обязательствам государства иностранцы получили в 1910 г. 229 млн руб., в 1913 г. – 221 млн руб. по той же статье (Там же: 218).

Внутренние расходы элитарных сегментов общества были также внушительными. Только расходы на домашнюю прислугу в РИ в 1913 г. вылились в сумму 268 млн руб. (Грегори, 2003: 102). 222 млн руб. в 1913 г. было потрачено на услуги железнодорожного транспорта для физических лиц, по стране перемещались в основном богатые и средний класс (Там же: 102).

Частная рента с поместий составила в 1913 г. 430 млн руб. (Грегори, 2003: 96). Еще имели место доходы от арендных платежей в городах – 1035 млн руб. в 1913 г. в текущих ценах (Там же: 95). Эти платежи попадали в основном к частным домовладельцам. Умеренное прямое налогообложение делало положение этого типа собственников в России особо благоприятным.

В результате Октябрьской революции у большевиков оказалось больше возможностей, так как многие расходы в государстве были ликвидированы.

Если исходить из того, что НД СССР в 1928 г. по оценке М.М. Гуринова был на 12–15% ниже НД в Российской империи (Гуринов, 1990: 35), то потери в экономике в результате Первой мировой и Гражданской войн оказались не столь тяжелыми, если рассматривать это явление в долгосрочной перспективе. Но их нельзя назвать и малыми.

Будем исходить из оценки НД РИ в 1913 г. – почти 20,3 млрд руб. в ценах 1913 г. – для определения новых возможностей для советской власти в результате перехода к эгалитарной модели экономики (табл. 1).

Таблица 1

Новые возможности советской власти в ракурсе макрофинансов

Показатель, исключенный в результате смены политического режима из экономической реальности России	Сумма в млн руб., данные за 1913 г. в текущих ценах
Чистые туристические платежи и иммигрантские трансферты	406
Рента от собственности	1 495
Расходы на домашнюю прислугу	268
Вывоз капитала в форме платежей по проценту частными компаниями и банками	150
Вывоз капитала в форме платежей по государственному долгу	221
Итого	2 540 (около 15% от НД)

Источник: составлено авторами на основе: Грегори, 2003.

Правда, финансовые показатели (тем более в фискальной сфере) не всегда отражают истинную макроэкономическую картину, учитывая к тому же, что особо важен для экономического развития межотраслевой баланс. Макрофинансы также не могут отразить истинное положение в отдельной отрасли или на отдельном рынке (как пример: исчезновение частной ренты от недвижимости в городах после Октябрьской революции не решило проблемы с дефицитом жилищных фондов). Физический капитал менялся в своей стоимости, отсюда была различной степень доступности к производственным активам у предприятий. В то же время сокращение расходов элит на 15% НД за счет изменения идеологии и, как следствие, институционального устройства не должно было существенно помочь большевикам в начале индустриализации, если принять во внимание потери примерно 12–15% НД в результате войн.

Октябрьская революция также повлияла на изменение распределения доходов между капиталом и трудом. В 1926–1927 гг. заработная плата составила 139% от уровня 1913 г., но с учетом соцстрахования и отчисления на прибыль – 167% (Угланов, 1930: 6). Мы можем понять значение изменения этого показателя для народного хозяйства России в целом, только зная точную численность рабочего класса в 1913 г. Определить эту численность сложно, поскольку часть пролетариата была задействована на мелких кустарных предприятиях (это затрудняло их статистический учет), зарплата в этом сегменте экономики сильно варьировалась в зависимости от отрасли и региона. В период НЭПа в структуре занятости сохранился этот сегмент рабочего класса, на который в основном не распространялось социальное страхование. Поэтому Народный комиссариат труда, проводя анализ ситуации с доходами пролетариата в конце НЭПа, учитывал рабочих крупных предприятий и фабрик, а также строительных организаций.

В 1913 г. рабочих, занятых на крупных предприятиях промышленности в организациях транспорта, насчитывалось 3 938,9 тыс. чел., в строительстве – 1 500 тыс. чел., но без учета чернорабочих, которые, как правило, являлись сезонными. Годовой заработок рабочего в 1913 г. составлял 258 руб.² Таким образом, общая сумма фонда оплаты труда этой части занятых в экономике страны должна была составить немногим более 1,4 млрд руб., или около 7% НД (если исходить из вычислений НД И.Г. Калабекова). Если опираться на подсчитанный нами опять-таки гипотетический НД Российской империи 1915 г. – 1,36 млрд ф. ст. – и учесть обменный курс рубля к валюте Великобритании того времени, мы можем сказать, что фонд оплаты труда рабочих именно этих сегментов рынка труда составлял чуть более 132 млн ф. ст., или около 14,4% НД (мы исходим из курса ф. ст. к рублю примерно как 1:10,8).

Наш подсчет национального дохода приблизителен. Но это был неплохой результат для российской экономики, так как валовой чистый продукт Великобритании в 1913 г. составил 2343 млн ф. ст. (Arnold and McCartney, 2003). Если исходить из расчетов С. Полларда и К. Файнштейна (Pollard and Feinstein, 1988), НД Российской империи составил в 1913 г. 15,4 млрд руб. против 21,2 млрд руб. в Великобритании в том же году (на Объединенное королевство работала огромная коло-

² Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.». Труды центрального статистического управления, Т. XXVI, вып. 1 и 2. М.: ЦСУ, 1926, с. 153.

ниальная империя, охватывавшая почти полмира). Это тоже хороший результат для российской экономики, принимая во внимание, что это была молодая индустриальная экономика. Такой НД был получен во многом за счет накопления инвестиций (объем накопленных инвестиций составил в 1913 г. около 3,9 млрд руб. (Попов, Раздина, 2024: 72)). Столь сравнительно большой для Европы объем накопленных инвестиций стал результатом во многом высоких прибылей в российской экономике. Это явление С.Ю. Витте считал отрицательным, связывая его с монополизмом, а монополизм – со слабо развитым в стране предпринимательством. Согласно вычислениям С.Г. Струмилина, норма чистой прибыли только в промышленности России в период с 1885 по 1913 г. достигала 16,2% (Обухов, 2012: 59); у англичан этот показатель составлял в 1913 г. 14,9% (Arnold and Mccartney, 2003), но достигался в основном за счет умеренного налогообложения бизнеса. В Великобритании незадолго до Первой мировой войны норма прибыли по экономике в целом приближалась к 28%. Молодая экономика США демонстрировала в это время относительно низкую норму прибыли – около 10%, тогда как в Германии этот показатель был на уровне около 15% (Maito, 2014: 12).

В России начала XX в. был разрыв между темпами прироста основного капитала и чистой прибыли: прирост основного капитала составлял 7,2% (Обухов, 2012: 59). Около 3 млрд руб. в экономике уходило на потребление элит (Обухов, 2012: 59). В этом смысле прогноз С.Ю. Витте, сделанный им в 1890-е гг., что рост инвестиций будет провоцировать снижение прибыли, и это, в свою очередь, будет стимулировать инновационную активность (если говорить современным языком), не оправдался в полной мере (данный процесс больше подходил для американской экономики, в основе которой лежала заимствованная из Западной Европы протестантская этика, в рамках которой была распространена бережливость).

У англичан при их значительном разрыве между нормой прибыли и показателем чистой прибыли на потребление и налоги должны были уходить тоже немалые суммы. Однако, что для нас важно, одна из самых высоких в мире норм прибыли не мешала Великобритании развивать технологически новые производства практически до наступления Великой депрессии.

В 1926/1927 отчетном (и также бюджетном) году было задействовано в крупной промышленности 2 838 600 чел. (Угланов, 1930: 13), но без транспорта; с учетом транспорта этот показатель составил 4 095 600 чел. (Там же). Транспорт поглощал огромный процент занятых вне сельского хозяйства как в Российской империи, так и в СССР, что во многом стало следствием избыточных инвестиций в Сибирь и Дальний Восток. В строительстве в указанном отчетном году было задействовано в СССР 546 800 чел.

Если заработная плата указанных выше сегментов пролетариата увеличилась на 167% от уровня 1913 г., то, сразу пересчитывая в фунты стерлингов по курсу 1914 г., получаем немногим более 188 млн ф. ст. против 132 млн ф. ст. в 1913 г.

По подсчетам А. Маркевича и М. Харрисона, среднедушевой ВВП СССР в 1928 г. был ниже, чем у Российской империи в 1913 г., на 3,6% (Маркевич, Харрисон, 2013: 100): сказались последствия спада в экономике в основном в период Гражданской войны. При этом численность населения СССР в 1928 г. была примерно на 17 млн чел. меньше, чем в Российской империи в 1913–1914 гг. Около 10,1% потерь ВВП должно было произойти из-за утраты ряда территорий в результате Первой мировой и Гражданской войн. Получается, в целом ВВП снизился в СССР в 1928 г., по сравнению с Российской империей, приблизительно на 13,7%. То есть в сумме потери ВВП от Первой мировой и Гражданской войн существенны, но в границах СССР до 1939 г. они оказались незначительными, и едва ли эти 3,6% можно отнести за счет последствий чисто военного характера.

Если в 1913 г. в обрабатывающей промышленности Российской империи были заняты 2 467 200 чел., не считая кустарных предприятий, то в 1926/1927 г. этот показатель составил 2 838 600 чел. Объемы выпуска промышленной продукции незначительно изменились к середине и концу 1920-х гг., о чем мы скажем ниже.

В целом увеличение доли оплаты труда рабочих в ВВП СССР имело больше социальный, нежели экономический эффект. Разумеется, даже фонд оплаты труда в 188 млн ф. ст. в СССР в конце НЭПа против примерно 821,7 млн ф. ст. фонда оплаты труда занятых в гражданском секторе Великобритании в 1911 г. (Solomos and Ryland, 2019: 15) – небольшой показатель. Правда, в 1911 г. в Англии в

гражданском секторе экономики заработную плату получали 15,5 млн чел., а для СССР второй половины 1920-х гг. мы рассмотрели только отдельные сегменты занятых общей численностью 4 642 400 чел. Но элементарные подсчеты показывают, что на начало XX в. среднестатистический англичанин имел зарплату примерно 53 ф. ст. в год, тогда как советский рабочий в интересующих нас сегментах экономики – 40,5 ф. ст. Надо сказать, что разрыв в оплате труда, выраженной в фунтах стерлингов, между СССР и Англией интересующих нас периодов начала XX в. не такой значительный, но производительность экономики Великобритании в начале XX в. была выше, чем в СССР во времена НЭПа.

Труд и капитал и их эффективность

Финансовые показатели производительности труда и капитала мало что дают нам для понимания результативности тех или иных реформ. Марксисты считали прибыль злом капиталистического общества, которое надо устранить, но в СССР она сохранилась, правда, в сильно измененном виде. В Российской империи прибыль и рента облагались налогами незначительно, но в СССР немалая часть прибыли в период НЭПа шла в фонд потребления, и уже в меньшей степени этот принцип работал после 1929 г.

Несомненно, изменение характера прибыли и устранение ренты в результате Октябрьской революции снизило стоимость промышленного капитала. Однако все равно потребовалась форсированная индустриализация, так как наблюдался дефицит трудовых ресурсов на фоне их более низкой, чем на Западе, производительности труда. Кроме того, имели место серьезные инфраструктурные проблемы.

Демографические потери из-за Первой мировой и Гражданской войн привели к сокращению численности рабочей силы в стране, по сравнению с предвоенным периодом. В 1926/1927 г. лиц наемного труда в СССР насчитывалось чуть менее 11 млн чел. (Угланов, 1930: 13), когда в Российской империи 1913 г. – около 18 239 тыс. чел. Столь значительное сокращение произошло во многом за счет персонала в строительстве, как мы сказали выше, а также кустарной промышленности, где в конце НЭПа осталось немногим более 400 тыс. чел. (Там же) против 3 млн чел. в 1913 г. (Корелин, 1995: 219). Существенную роль здесь сыграло и законодательное ограничение на наем работников частными лицами, что сократило производительные силы в деревне. Это означает, что нагрузка на труд и мощности по производству товаров народного потребления увеличилась для крупных предприятий в разы в период НЭПа, а выпуск этих товаров был меньше, чем в 1913 г. То же самое наблюдалось в период Первой пятилетки (табл. 2). При этом ликвидация многих «нэпмановских» предприятий в ходе «великого перелома» имела мало смысла, так как 400 тыс. высвободившихся в результате этого рабочих рук не могли серьезно повлиять на рост промышленного производства.

Таблица 2

Производство некоторых базовых товаров народного потребления в Российской империи перед Первой мировой войной и СССР (конец НЭПа и начало индустриализации)

Отрасль	Российская империя	СССР
Сахарная промышленность (по СССР данные за 1930 г.), сахар, млн т	2,548	1,8
Текстильная промышленность, пряжа разных типов (для СССР данные за 1932 г.), тыс. т	331,2	480,5
Кожаная обувь, млн пар (для СССР данные за 1928 и 1932 г.)	60	58 и 86,9
Животное масло, тыс. т (для СССР данные за 1928 и 1932 г.)	104	82 и 72
Масло растительное, тыс. т (для СССР данные за 1928 и 1932 г.)	471	448 и 490
Мука, млн т (для СССР данные за 1928 и 1937 г.)	28	24 и 28
Мясо, включая субпродукты первой категории, тыс. т (для СССР данные за 1928 и 1932 г.)	1042	678 и 596

Источник: составлено авторами по: Статистический ежегодник России 1913 г. (Под десятый). СПб.: Издание ЦСК, 1914; Народное хозяйство СССР в 1958 г. (статистический сборник). М.: Государственное статистическое издательство, 1959, с. 273; Азрилевич, Азрилевич, 2012

Таким образом, эффективность советской экономики конца периода НЭПа и Первой пятилетки с точки зрения обеспечения населения рядом базовых товаров народного потребления не была столь высокой, по сравнению с 1913 г. Стоит отметить, что до индустриализации большая часть населения России проживала в селах, где было принято обеспечивать себя самостоятельно за счет домашнего хозяйства либо местной промышленности (статистический учет работы последней был затруднен). В связи со стремительным ростом численности городского населения после 1929 г. к производству товаров народного потребления стали предъявляться повышенные требования, поэтому в конце Первой пятилетки Советское государство стало наращивать их выпуск.

Численность рабочей силы изменялась в Первую пятилетку более быстрыми темпами, нежели в начале XX в. (табл. 3). В Российской империи во многом действовало ограничение на увеличение рабочих мест, связанное с дефицитом физического промышленного капитала, а также оборотных средств у многих предприятий. В раннем СССР наравне с дефицитом финансирования со стороны наркоматов действовал такой фактор, как неустроенный соцкультбыт, что во многом стало следствием разрухи периода Гражданской войны, а также недостаточных инвестиций в инфраструктуру городов до Первой мировой войны.

Обратив внимание на занятость в сельском хозяйстве, мы можем сказать, как изменение баланса рабочей силы в результате Октябрьской революции и мероприятий начала Первой пятилетки повлияло на «великий перелом». До Первой мировой войны в сельском хозяйстве были заняты в качестве наемных работников примерно 6,5 млн чел., но фактически, как мы полагаем, больше. В 1928/1929 отчетном году были заняты в сельском хозяйстве 2 138 000 чел. (Угланов, 1930: 13), что объяснимо как законодательным ограничением на наем рабочей силы, так и тем, что после Октябрьской революции окончательно прекратили существование крупные помещичьи хозяйства, частично работавшие на экспорт. Внешняя торговля зерном и другой аграрной продукцией была отдельной индустрией в дореволюционной России, поглощавшей немало ресурсов (Попов, Чибисова, 2016). В период НЭПа экспорт зерна сократился и стал контролироваться государством. В итоге произошло высвобождение порядка 4 млн рабочих рук. Это обеспечило социальную базу для трудовой миграции в города.

Таблица 3

Численность работающих по найму в Российской империи и СССР (1900–1935)

Год	Численность занятых, тыс. чел.
1900	12 181,2
1913	18 238,9
1928	11 455,9
1929	12 147,0
1935	24 717,2

Источник: составлено авторами по: Угланов, 1930; Корелин, 1995; Кац, 1936.

Высокая рождаемость обеспечивала рост численности рабочих рук во время индустриализации. В 1920–1922 гг. численность населения РСФСР уменьшилась на 818 тыс. чел. (Поплаухин, Латов, 2009: 68) на фоне огромных людских потерь в войнах с 1914 по 1922 г. – более 20 млн чел.³ В период 1909–1913 гг. Российская империя достигла одного из самых высоких естественных приростов населения в Европе (коэффициент 15,8), что было вызвано не только сохранением традиционных норм в обществе, но также и повышением качества жизни. Об этом позволяет судить тот факт, что в период 1859–1863 гг. естественный прирост был ниже (коэффициент 14,2) (Рашин, 1956: 224–225).

Соответственно, поколение появившихся на свет в 1909–1914 гг. вступало во взрослую жизнь к моменту начала Первой пятилетки. Но если в Российской империи молодежь в основном пополняла «армию» неквалифицированных поденщиков, что было связано с медленным развитием образования в стране, то при советской власти ситуация изменилась: профессиональное

³ Население СССР: Справочник. М.: Политиздат, 1974, с. 7.

образование стало распространяться масштабнее, нежели в конце правления Николая II (Астанина, Новикова, 2023). Кроме того, спрос на труд низкой и средней квалификаций в аграрном секторе и в кустарной промышленности в 1920-е гг. заметно снизился, о чем сказано выше.

Реформы С.Ю. Витте ассоциируются в немалой степени с паровозостроением и вагоностроением. Действительно, при нем широко развернули свою деятельность пять мощнейших российских заводов, специализировавшихся на выпуске паровозов. Для того времени это было технологически непростое производство (в этой связи его можно рассматривать как показатель социально-экономического развития и научно-технического прогресса стран в конце XIX – первой половине XX в.).

Советская статистика брала за основу 1913 г. для проведения сравнений достижений промышленности СССР с Российской империей. Но в 1913 г. российскими заводами были выпущены 477 паровозов против 827 в 1932 г.⁴ По другим данным, в России было произведено 654 паровоза⁵. Однако рекорд 1906 г. – 1 244 паровоза⁶ – советская промышленность так и не смогла побить. Дело было не в отставании, а в потребностях в этой продукции народного хозяйства, учитывая, что данная техника могла долго эксплуатироваться. В период 1905–1915 гг. российские заводы сдавали в среднем около 1 000 паровозов в год (Мокршицкий, 1941: 240). Паровозы советского выпуска довоенных пятилеток были мощнее, но это – уже вопрос научно-технического прогресса.

Станкостроение в Российской империи развивалось медленнее, нежели паровозостроение. В 1913 г. удалось выпустить около 1,8 тыс. металлорежущих станков против 2 000 в 1928 г., 4 300 единиц в 1929 г., 8 000 – в 1930 г. и 18 200 – в 1931 г.⁷ До революции Россия в основном импортировала промышленное оборудование. Однако обратим внимание на такую деталь: двукратный рост выпуска станков происходит в 1929 г. по отношению к предыдущему году, но механизмы перехода от НЭПа к принципиально новой жестко управляемой директивной модели народного хозяйства еще не могли заработать в полную силу. Очевидно, речь идет о включении незадействованных ранее резервов, в силу того что до 1929 г. государственный заказ носил ограниченный характер.

Как мы сказали выше, Россия в основном импортировала промышленное оборудование. У нас нет данных о количестве металлорежущих станков, производившихся ежегодно в стране до 1913 г., но известно, что по промышленной переписи 1908 г. в России имелось 75 000 единиц этого оборудования. В СССР в 1932 г. состояло 163 355 металлорежущих станков – результат, на первый взгляд, хороший, но только 27,1% из них имели отечественное происхождение, включая выпущенные еще до Первой мировой войны образцы (Овсянников, 2015). Так, до конца Первой пятилетки темп развития станкостроения сохранялся на уровне конца периода правления Николая II (судя по тому, что более 10 000 станков было выпущено в период 1928–1931 гг., в период НЭПа это был поштучный товар).

Есть популярное мнение, что сельскохозяйственное машиностроение появилось в СССР, но это не так. В 1914 г. российской промышленности удалось выпустить 7 тракторов, затем их выпуск в империи не возобновлялся⁸. После Первой мировой войны и в результате переключения на другие заказы производственная база для выпуска тракторной техники в России была утрачена (разумеется, в начале XX в. до создания отдельной отрасли тракторостроения при таком выпуске – 7 шт. тракторов – было еще далеко).

Выпуском сельскохозяйственной техники занимались разные подотрасли (классификация производств в Российской империи отличалась от советской). Например, три завода, относившихся к типу «Производство прочих двигателей», выпустили в 1913 г. 160 зерноочистительных машин, а в 1914 г. – 220⁹. Производилась и другая продукция сельскохозяйственного машиностроения.

Интересен сюжет с гидроэнергетикой. Во-первых, строительство ее мощностей в Российской империи осуществлялось частными фирмами. Во-вторых, на большей части территории страны условия для создания гидроэлектростанций недостаточно благоприятные – как раньше, так и теперь. К 1913 г. в России начитывалось 4 648 турбин (Симонов, 2016: 136) общей мощностью 149 477 кВт в переводе

⁴ Народное хозяйство СССР в 1958 г. (Статистический сборник). М.: Государственное статистическое издательство, 1959, с. 241.

⁵ Вульф А.Б. (2024). Отечественное паровозо- и вагоностроение в 1890–1900 гг. (некоторые акценты). *ОПЖТ*. <https://opzt.ru/news/otechestvennoe-parovozo-i-vagonostroenie-v-1890-1900-gg-nekotorye-akcenty/> (дата обращения: 01.07.2024)

⁶ Там же

⁷ Там же, с. 231.

⁸ Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г., с. 202.

⁹ Там же, с. 204.

с лошадиных сил (наши расчеты), в которых в начале прошлого века часто исчислялись мощности в энергетике. На каждую турбину приходился малый объем выработки электроэнергии, что было связано с сильно децентрализованным в условиях рыночной экономики характером строительства энергетических установок по стране. Однако темпы роста мощностей в данном сегменте энергетики были стремительными, учитывая, что около 1900 г. гидроэнергетика в России почти отсутствовала.

В общей сложности в 1913 г. российская энергетика вырабатывала около 2 млрд кВт·час (Симонов, 2016: 163), в 1932 г. этот показатель в СССР составил почти 13,5 млрд кВт·час. Контраст между Российской империей и СССР существенный, но учтем, что около 1890 г. в России энергетика была «карликовой». Если условно принять 1890 г. как «час ноль», то среднегодовой прирост выработки электроэнергии составлял почти 87 млн кВт·час. В СССР в границах до 17 сентября 1939 г. в 1923 г. было выработано 1 млрд 146 млн кВт·час¹⁰. В 1923 г. энергетика СССР работала в основном на тех мощностях, которые были созданы в Российской империи. Если брать 1923 г. за условный «час ноль», то прирост составлял до 1932 г. включительно около 1,373 млрд кВт·час в год, при этом за этот же период в строй были введены 3 398 тыс. кВт мощностей. В 1913 г. числилось 1 141 тыс. мощностей¹¹. То есть почти четверть всех мощностей энергетики СССР была создана до 1917 г.

Определить, сколько именно при помощи этих старых дореволюционных мощностей было выработано энергии в Первую пятилетку, не представляется возможным. Но, очевидно, в 1913 г. мощности энергетики не были загружены полностью (это могло быть связано со сложностями с подвозом сырья и т.д.), так как советская энергетика в 1929 г. при наличии только 2 296 тыс. кВт смогла выработать 6 224 млн кВт·час¹².

Достаточно интересен пример металлургии, он помогает нам лучше понять процесс реформ С.Ю. Витте на отраслевом уровне. До 1891 г. выплавка чугуна в стране оставалась незначительной, но после начала реформ Витте ее динамика резко пошла вверх, во многом под влиянием развития Донбасса. Однако инвестиции в Донбасс в значительной степени зависели от иностранного капитала. Как показано на рисунке, мировой финансовый кризис повлек снижение выплавки чугуна в 1902–1904 гг. После взлета показателей в 1905 г. наступил «застой» в отрасли до 1910 г.

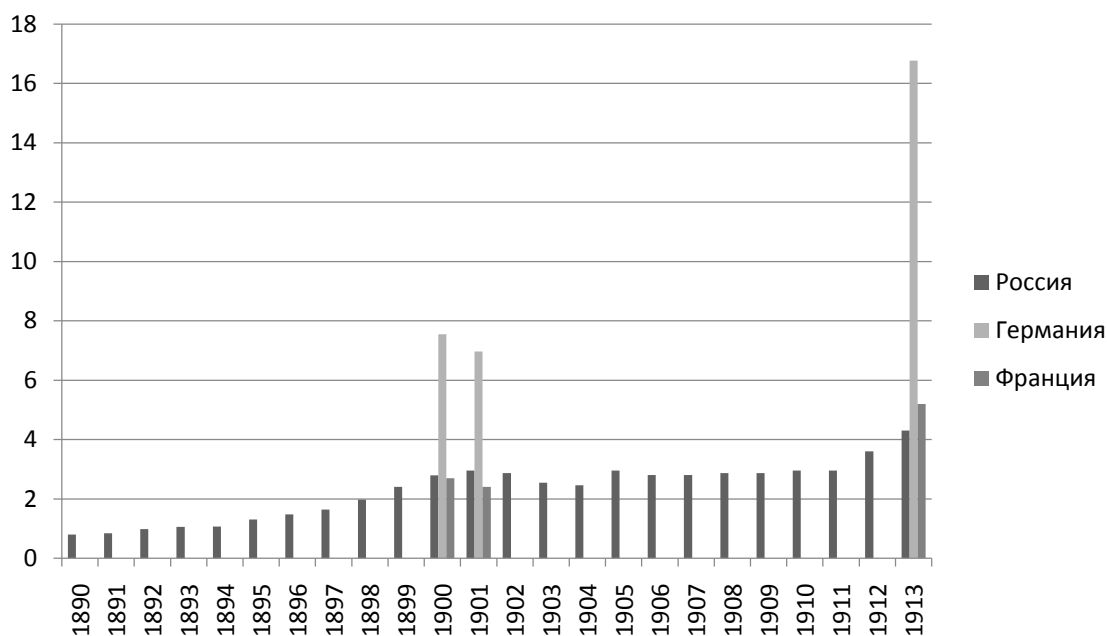

Рис. Выплавка чугуна в России, Германии и Франции, млн т

Источник: составлено авторами по: Арсентьев, 2009, с. 58; Pig iron production in selected European countries from 1900 to 1945. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/1286234/pig-iron-production-europe-1900-1945-country/> (accessed on August 29, 2024)

¹⁰ Народное хозяйство СССР в 1959 г. (Статистический ежегодник). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960, с. 193.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Мы специально привели данные по Франции, чтобы показать, что страна с развитой рыночной экономикой могла демонстрировать отставание по некоторым сегментам промышленности в определенные периоды, и это было связано с доступом к сырью и спросом на внутреннем рынке.

Что касается таких новых для первой трети XX в. отраслей, как автомобилестроение и авиостроение, то во времена С.Ю. Витте они только зарождались на Западе, но к 1913 г. российская промышленность освоила выпуск двигателей внутреннего сгорания, включая авиационные. Тема развития этих двух отраслей в нашей стране больше касается уже проблем оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и Первой мировой войны, а также развития ОПК в межвоенный период. Отметим особо, что автомобилестроение и авиапром уже существовали к моменту Октябрьской революции (Попов, 2018).

Заключение

Из истории преобразований в народном хозяйстве, сделанных И.В. Сталиным и С.Ю. Витте (разумеется, у них были соратники), мы можем сформулировать следующие выводы.

1. Российское общество на рубеже XIX–XX вв. и практически до Первой пятилетки стояло перед выбором между рынком и сильным государством. Данная дилемма актуальна до сих пор, только в 1890-е и даже в 1900-е гг. власть видела панацею от многих экономических проблем в рыночных институтах (если говорить современным языком).

2. Реформы С.Ю. Витте оказались незавершенными, однако в случае своего завершения они не могли кардинально изменить еще полуфеодальный институциональный строй Российской империи, в рамках которого С.Ю. Витте и задумывал свои реформы. Опорой для реформ служил старый инструментарий, который едва ли можно назвать в полной мере либеральным (правда, как известно, С.Ю. Витте был главным разработчиком политической реформы конца 1905 г., давшей России Государственную думу, но произошло это уже после инициированных им экономических реформ и под влиянием революционных событий).

3. Октябрьская революция 1917 г. создала для «великого перелома» начала 1930-х гг. достаточно хорошие условия: почти ликвидирован вывоз крупных денежных фондов за рубеж; упразднены крупные поместья, привлекавшие более 6 млн работников ежегодно при запаздывающей механизации сельского хозяйства (мотивация для нее была слаба на фоне демографического взрыва на селе), что к 1930 г. создало трудовой резерв для промышленности. В начале XX в. произошло накопление немалых объемов физического капитала в промышленности и в транспортной отрасли (и здесь надо отдать должное С.Ю. Витте), и это создало неплохие стартовые условия для модернизационных реформ 1930-х гг. Сократился масштаб кустарной промышленности. В результате изменения институционального строя в России из-за прихода к власти большевиков высвободилось немалое количество рабочих средней квалификации с производственным опытом для крупных государственных предприятий.

4. Разумеется, Октябрьская революция 1917 г. сопровождалась и возникновением некоторых отрицательных условий для модернизации России. Распространилось такое явление, как необоснованное завышение зарплат в ряде сегментов промышленности (например, рост зарплат в 1920-е гг. явно не соответствовал росту объемов производства, особенно промышленного). Спад в капитальном строительстве в результате Гражданской войны и сложного процесса восстановления в 1920-е гг. можно также назвать отрицательным фактором. Снижение объемов иностранных инвестиций и масштабов научно-технического и экономического сотрудничества с другими странами, несомненно, было отрицательным фактором для советской модернизации, но мы не стали бы преувеличивать их значение.

5. Реформы Витте так и не решили проблему особо высоких прибылей, тормозивших инновационное развитие. (Эта проблема выступала негативным фактором для реформ на их завершающем этапе, а на начальном этапе, напротив, высокие прибыли привлекали иностранных инвесторов.) Эту задачу решат большевики в рамках созданного ими институционального строя, упразднив в народном хозяйстве капиталистическую форму прибыли.

6. Налоговая нагрузка на богатые слои общества и бизнес в условиях элитарной и рыночной экономики в поздней Российской империи была невысокой, что сильно ограничивало возможности для проведения реформ Витте; для большевиков таких ограничений, разумеется, не было.

Можно ли сказать, что система российского капитализма, созданная С.Ю. Витте и другими реформаторами второй половины XIX – начала XX в., себя изжила и требовался переход к эгалитарной модели, которую предлагали марксисты? Мы не думаем, что все так просто. Преобразования, сделанные С.Ю. Витте, несомненно, дали эффект к 1909–1913 гг. Требовались, как сказал П.А. Столыпин, еще 20 лет мира, но история не дала этих двух десятилетий. Темпы роста в станкостроении и в освоении производства новых типов техники (например, двигателей внутреннего сгорания) в Российской империи показывают, что эта система к 1914 г. вполне могла еще развиваться и конкурировать, пусть и ограниченно, с Западом. Эти темпы все же были не столь значительными, как, например, в Германии в период правления О. фон Бисмарка или в США после Гражданской войны. В этом смысле реформы Витте стоит считать не столь успешными, как Первую пятилетку, когда большевикам удалось в короткие сроки создать современную по тем временам промышленность. Тем не менее не все надо измерять количеством локомотивов, станков, процентами ВВП и т.д. Благополучие общества требует более широкого спектра аналитических критериев, что, впрочем, выходит за рамки настоящего исследования.

С.Ю. Витте приходилось проводить реформы, несомненно, в более сложных институциональных условиях. То же самое можно сказать и о научно-технических условиях. Все-таки Россия конца XIX в. была более аграрной, нежели Россия 1930 г. Численность грамотного населения и лиц с образованием выше начального также была в конце XIX в. существенно ниже. Отсутствовал опыт, полученный в области промышленности и прикладной науки в период Первой мировой войны.

Кроме того, Россия была интегрирована в мировой рынок, и это в целом создавало иную модель распределения ресурсов в экономике, что в первую очередь выражалось в дисбалансе рабочей силы в пользу аграрного сектора.

Сталин получил для своих реформ достаточно экономически развитую страну: уже до 1917 г. существовали немалые мощности, имелся богатый опыт научно-технического и промышленного развития. Это было важным условием, почему Первая пятилетка увенчалась успехом.

Литература / References

- Азрилевич М.Я., Азрилевич М.Р. (2012). Промышленному свеклосахарному производству России в 2012 году – 210 лет! *Сахар* (2), 43–53. [Azrilevich, M., Azrilevich, M. (2012). Industrial sugar beet production in Russia in 2012 is 210 years old! *Sugar* (2), 43–53 (in Russian)].
- Айрапетов О.Р. (2013). Порт-Артур. К вопросу об организации базы флота и крепости. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)* (4), 3–22. [Airapetov, O. (2013). Port Arthur. On the issue of the organization of the fleet base and fortress. *Bulletin of the Moscow University. Management (State and Society)* (4), 3–22 (in Russian)].
- Арсентьев Н.М. (2009). Российская металлургия XIX века в контексте процессов модернизации. *Экономическая история* (7), 53–63. [Arsentiev, N. (2009). Russian metallurgy of the XIX century in the context of modernization processes. *Economic History* (7), 53–63 (in Russian)].
- Астанина Л.В., Новикова И.В. (2023). К вопросу о качестве российской системы общего образования в начале XX века. *Современная научная мысль* (4), 48–54. [Astanina, L., Novikova, I. (2023). On the issue of the quality of the Russian general education system at the beginning of the XX century. *Modern Scientific Thought* (4), 48–54 (in Russian)].
- Болотов С.А. (2012). Реформаторская деятельность С.Ю. Витте в области финансов и налогов. *Международный бухгалтерский учет* (21), 56–64. [Bolotov, S. (2012). S.Y. Witte's reformatory activity in the field of finance and taxes. *International Accounting* (21), 56–64 (in Russian)].
- Братченко Т.М., Сенявский А.С. (2009). Имперская и советская модели экономического развития: сравнительный анализ. *Известия Самарского научного центра РАН* (6-1), 31–37. [Bratchenko, T., Senyavsky, A. (2009). Imperial and Soviet models of economic development: A comparative

- analysis. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* (6-1), 31–37 (in Russian)].
- Витте С.Ю. (1912). *Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве*. СПб.: Типография АО Брокгауз-Ефрон. [Witte, S. (1912). *Lecture Notes on National and State Economy*. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Printing House (in Russian)].
- Горинов М.М. (1990). Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов. *Вопросы истории* (11), 31–47. [Gorinov, M. (1990). The Soviet country in the late 1920s – early 1930s. *Voprosy Istorii* (11), 31–47 (in Russian)].
- Грегори П. (2003). *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН. [Gregory, P. (2003). *The Economic Growth of the Russian Empire (Late XIX – Early XX Century). New Calculations and Estimates*. Moscow: ROSSPAN Publ. (in Russian)].
- Дудник С.И. (2019). Сталинская модернизация как исторический опыт. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология* 35(3), 394–405. [Dudnik, S. (2019). Stalin's modernization as a historical experience. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology* 35(3), 394–405 (in Russian)]. DOI: 10.21638/spbu17.2019.301
- Жуков Е.М. (ред.) (1963). *Советская историческая энциклопедия*: В 16 т., т. 3. М.: Советская энциклопедия. [Zhukov, E. (ed.) (1963). *Soviet Historical Encyclopedia*, in 16 vols., vol. 3. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ. (in Russian)].
- Калабеков И.Г. (2022). *Российская империя и страны мира в цифрах. Справочное издание*. <http://ricw.ru/> (дата обращения: 08.07.2024). [Kalabekov, I. (2022). *The Russian Empire and countries of the world*. <http://ricw.ru/> (accessed on August 7, 2024) (in Russian)].
- Кац Я. (1936). Сдвиги в составе рабочих и служащих СССР. *Журнал Госплана и ЦУНХУ СССР «План»* (21), 36–41. [Katz Ya. (1936). Shifts in the structure of employed in the USSR. *Journal of Gosplan and Central Statistical Office of the USSR "Plan"* (21), 36–41 (in Russian)].
- Корелин А.П. (отв. ред.) (1995). *Россия в 1913 году*. М.: Институт Российской истории РАН. [Korelin, A. (ed.) (1995). *Russia in 1913*. Moscow: Institute of Russian History RAS (in Russian).]
- Лутохин Д.Д. (1915). *Граф С.Ю. Витте как министр финансов*. Петроград: Типография «Двигатель». [Lutokhin, D. (1915). *Count Sergei Witte as the Minister of Finance*. Petrograd: Dvigatel Printing House (in Russian)].
- Маркевич А., Харрисон М. (2013). *Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.* М.: Мысль. [Markevich, A., Harrison, M. (2013). *World War I, Civil War and Reconstruction: The National Income of Russia in 1913–1928*. Moscow: Mysl Publ. (in Russian)].
- Мартынов С.Д. (2002). *Государство и экономика: система Витте*. СПб.: Наука. [Martynov, S. (2002). *State and Economy: Sergey Witte's System*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russian)].
- Миронов Б.Н. (2018). Модернизация имперская и советская. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 63(1), 54–82. [Mironov, B. (2018). Modernization of the Imperial and Soviet periods. *Bulletin of St. Petersburg University. History* 63(1), 54–82 (in Russian)]. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.104
- Мокршицкий Е.И. (1941). *История паровозостроения в СССР. 1846–1940 гг.* М.: Государственное транспортное железнодорожное издательство. [Mokrshitsky, E. (1941). *The History of Steam Locomotive Construction in the USSR. 1846–1940*. Moscow: State Transport Railway Publishing House (in Russian)].
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). *Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)*. Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта. [Nureyev, R., Latov, Yu. (2010). *Russia and Europe: Path Dependence (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*. Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia Publ. (in Russian)].
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2013). Поиск пути развития советской России: бифуркации и альтернативы 1918–1928. *Вопросы регулирования экономики* 4(3), 7–25. [Nureyev, R., Latov, Y. (2013). The search for the development of Soviet Russia: Bifurcations and alternatives 1918–1928. *Journal of Economic Regulation* 4(3), 7–25 (in Russian)].

- Обухов Н.П. (2012). Финансирование индустриального развития России в 1900–1914 гг. *Финансы* (2), 58–61. [Obukhov, N. (2012). Financing of Russia's industrial development in 1900–1914. *Finance* (2), 58–61 (in Russian)].
- Овсянников О.В. (2015). Оценка величины станочного парка СССР к началу Великой Отечественной войны и доля импорта в нем. *Молодой ученый* (19), 414–418. [Ovsyannikov, O. (2015). Estimation of the size of the machine tool park of the USSR by the beginning of the Great Patriotic War and the share of imports in it. *Young Scientist* (19), 414–418 (in Russian)].
- Поплаухин В.Е., Латов Ю.В. (2009). Смена моделей воспроизводства населения в России XX в. *Историко-экономические исследования* 10(2), 63–99. [Poplaukhin, V., Latov, Yu. (2009). Changing models of population reproduction in Russia in the XX century. *Historical and Economic Research* 10(2), 63–99 (in Russian)].
- Попов Г.Г., Чибисова Е.И. (2016). Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? *Terra Economicus* 14(3), 87–100. [Popov, G., Chibisova, E. (2016). Foreign trade and grain prices in the Russian Empire. For or against neoclassical foreign trade theorems? *Terra Economicus* 14(3), 87–100 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-3-87-100
- Попов Г.Г. (2018). Индустриализация и развитие ОПК СССР в первую пятилетку в «координатах» эпохи мировых войн. *Гуманитарные науки в Сибири* 25 (1), 25–31. [Popov, G. (2018). Industrialization and development of the USSR defense industry in the first five-year plan in the «coordinates» of the era of world wars. *Humanities in Siberia* 25 (1), 25–31 (in Russian)].
- Попов Г.Г., Раздина Н.В. (2024). Продразверстка и геоэкономика Советской России. *Вестник Томского государственного университета. История* (87), 66–76. [Popov, G., Razdina, N. (2024). Prodravverstka and geo-economics of Soviet Russia. *Bulletin of Tomsk State University. History* (87), 66–76 (in Russian)].
- Рашин А.Г. (сост.) (1956). *Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки*. М.: Государственное статистическое издательство. [Rashin, A. (ed.) (1956). *The population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays*. Moscow: State Statistical Publishing House (in Russian)].
- Симонов Н.С. (2016). *Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. [Simonov, N. (2016). *The Development of the Electric Power Industry in the Russian Empire: The Prehistory of GOELRO*. Moscow: Russian Foundation for Education and Science (in Russian)].
- Угланов Н.А. (ред.) (1930). *Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг.* М.: Гострудиздат. [Uglanov, N. (ed.) (1930). *Labor Issues in Numbers. Statistical Handbook 1927– 930*. Moscow: Gostrudizdat Publ. (in Russian)].
- Хромов П.А. (1950). *Экономическое развитие России в XIX–XX вв.* М.: Политиздат. [Khromov, P. (1950). *The Economic Development of Russia in the XIX–XX Centuries*. Moscow: Politizdat Publ. (in Russian)].
- Шингарев А.Н. (1916). Война и финансы. *Ежегодник газеты «Речь»*, 313–389. [Shingarev, A. (1916). War and finance. *Yearbook of the newspaper "Rech"*, 313–389 (in Russian)].
- Arnold, A., McCartney, S. (2003). *National income accounting and sectoral rates of return on UK risk-bearing capital, 1855–1914*. Research Gate publication. <https://www.researchgate.net/publication/237600188> (accessed on July 2, 2024)
- Maito, E. (2014). *The historical transience of capital: the downward trend in the rate of profit since XIX century*. MPRA Paper № 55894.
- Pollard, S., Feinstein, C. (1988). *Studies in Capital Formation in the United Kingdom, 1750–1920*. UK, Oxford: Clarendon Press.
- Spoerer, M. (2007). The political economy of taxation in nineteenth-century Germany. In: Nützenadel, A., Strupp, C. (eds.) *Taxation, State and the Civil Society in Germany and the United States, 1750–1950*. Baden-Baden: Nomos, pp. 51–60. DOI: 10.5771/9783845205892-51
- Solomos, S., Ryland, T. (2019). *Feinstein fulfilled: Updated estimates of UK GDP 1841–1920*. ESCoE technical report. <https://ideas.repec.org/p/nsr/escoet/escoe-tr-04.html> (accessed on July 1, 2024)